

Владимир Иванович Якунин,

доктор политических наук, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

Сергей Владимирович Володенков,

доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Вардан Эрнестович Багдасарян,

доктор исторических наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: vardanb@mail.ru

Максим Владимирович Вилисов,

кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Ленинские горы, д. 1, 119991, Москва, Россия), e-mail: vilisov@centero.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ОБЪЕКТ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Настоящая статья базируется на определении политики как специального вида деятельности акторов (чиновников и профессиональных политиков, а также властвующего политического класса) по поводу власти, ее завоевания и удержания при помощи методов и технологий, легитимизированных обществом путем доступного волеизъявления, с одной стороны, и как науки о законах развития государственности и системе взаимодействий государства (власти) и общества (его организаций, институтов, и индивидуумов), которую необходимо рассматривать в контексте исторически сложившихся цивилизационных оснований их взаимодействия по поводу легитимизации целей и ценностей развития,

достижения общественных интересов и сохранения суверенитета во взаимодействиях с другими государствами - с другой. Государственная политика понимается в работе как легально и легитимно реализуемый институтами государственной власти политический курс, задающий не только целевые, но и ценностные основания государственного управления в конкретной сфере деятельности. При этом характер и особенности функционирования конкретного государства и общества, а также содержание реализуемой политики определяются в первую очередь их цивилизационными основаниями. В рамках настоящей работы поле исследования было сужено до объема так называемых демократических политических систем, т.к. существуют и иные типы политических режимов, базирующиеся на иных цивилизационных принципах и ценностях. По результатам анализа актуальной ситуации, связанной с функционированием современных государств, авторы приходят к выводу об утрате последними изначальной просоциальной природы и ориентации на достижение общественного блага. В работе доказывается, что длившаяся долгое время трансформации содержательных и функциональных характеристик государственных систем и институтов привела к формированию у государства своих собственных самодостаточных иерархий, целей, ценностей, интересов, зачастую не просто не соответствующих и противоречащих общественным интересам, ценностям и целям, но и имеющих ярко выраженный асоциальный характер. В результате современное государство в настоящее время, по сути, подменяется властвующим политическим классом, который присваивает себе власть, следствием чего становится глубокий кризис отношений в системе взаимодействий «государство-общество», приводящий к негативным последствиям в разрезе общественного развития. Особый акцент в статье сделан на применении государством современных цифровых технологий и алгоритмов, которые выступают преимущественно как инструменты нового типа, используемые для манипуляции общественным сознанием, скрытого присвоения власти и легитимации такого присвоения, что порождает «комфортный

тоталитаризм». По итогам исследования авторы делают вывод о том, что политическая наука призвана служить интересам общества и достижению общественного блага, а предметом политической науки должна выступать система взаимодействий государства и общества, которую необходимо рассматривать в контексте исторически сложившихся цивилизационных оснований их взаимодействия по поводу легитимизации целей и ценностей развития, достижения общественных интересов и сохранения суверенитета во взаимодействиях с другими государствами..

Ключевые слова: *система взаимодействий «государство-общество», государство, государственная политика, политический властвующий класс, общественное благо, присвоение власти.*

Vladimir Ivanovich Yakunin,

Doctor of Political Sciences, Head of the Public Policy Program, Political Science Department, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: gospolitika_msu@mail.ru

Sergey Vladimirovich Volodenkov,

Doctor of Political Sciences, Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: s.v.cyber@gmail.com

Vardan Ernestovich Bagdasaryan,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: vardanb@mail.ru

Maksim Vladimirovich Vilisov,

Kandidat of Political Sciences, Associate Professor, Public Policy Program, Department of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Leninskie Gory 1, Moscow 119991, Russia), e-mail: vilisov@centero.ru

PUBLIC POLICY AS AN OBJECT OF CONTEMPORARY SCIENTIFIC RESEARCH

This article is based on the definition of politics as a specific type of activity by actors (officials, professional politicians, and the ruling political class) concerning power, its acquisition, and retention through methods and technologies legitimized by society through accessible expression of will on the one hand, and as a system of interactions between the state (power) and society (its organizations, institutions and individuals) which must be considered in the context of the historically established civilizational foundations and their interaction regarding the legitimization of development goals and values for achieving public interests, and maintaining sovereignty in interactions with other states - on the other. In this work, "public policy" is understood as a political course, legally and legitimately implemented by institutions of state power, which defines the target objectives alongside with the value foundations of specific areas of activity administration. At the same time, the character and features of the functioning of a particular state and society, as well as the content of the policies being implemented, are determined primarily by their civilizational foundations. In the present work, the scope of the study is narrowed to the extent of so-called democratic political systems, since there are other types of political regimes based on different civilizational principles and values. Based on an analysis of the current situation related to the functioning of contemporary states, the authors have made a conclusion that these states have lost their original pro-social nature and orientation toward public good achievement. This work argues that the prolonged transformation of the substantive and functional characteristics of state systems and institutions has led to the formation of the state's own self-sufficient hierarchies, goals, values and interests, which often not only ignore and contradict public interests, values and goals but also have a distinctly antisocial character. As a result, the contemporary state is, in essence, supplanted by the ruling political class, which appropriates power, leading to a deep crisis in the "state-society" interactions system and negative consequences for social development. The article places particular emphasis on the state's use of modern

digital technologies and algorithms, which predominantly act as new tools for manipulating public consciousness, covertly appropriating power, and legitimizing such appropriation, leading to a form of "comfortable totalitarianism." Based on the results of the work, the authors have made a conclusion that in the current situation, political science is called upon to serve the interests of society and the achievement of the public good, and the subject of political science should be the system of interactions between the state and society, which must be considered in the context of the historically established civilizational foundations of their interaction regarding the legitimization of goals and values of development, achievement of public interests and preservation of sovereignty in interactions with other states.

Keywords: "state-society" interactions system, state, public policy, ruling political class, public good, power appropriation.

Введение

Государство изначально в своем традиционном понимании длительное время выступало в качестве самостоятельного феномена, порожденного обществом, передавшим ему определенные права. По сути, государство в его классическом виде функционировало в формате надстройки, призванной обеспечить в рамках своей деятельности социальную стабильность и устойчивость общественного существования и развития в общих коллективных интересах граждан, делегирующих часть своих прав и полномочий государству как институту, имеющему социальную природу и нацеленному на реализацию общественной миссии.

Иными словами, ключевым приоритетом и целью подобной надстройки являлось общественное благо. Как писал еще Аристотель, «общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни»¹.

¹ Аристотель. Сочинения в 4 томах. М.: 1984. Т. 4. С. 378.

Уже позже основатель теории общественного договора Ж. Руссо прямо заявлял о том, что «только *общая воля* может управлять силами Государства в соответствии с целью его установления, каковая есть *общее благо*. Ибо, если противоположность частных интересов сделала необходимым установление обществ, то именно согласие этих интересов и сделало сие возможным. Общественную связь образует как раз то, что есть общего в этих различных интересах; и не будь такого пункта, в котором согласны все интересы, никакое общество не могло бы существовать. Итак, *обществом должно править, руководясь единственно этим общим интересом*»².

В свою очередь русский мыслитель Л.А. Тихомиров также указывал на то, что «целью верховной власти является *объединение всех разрозненных и разнообразных частных и коллективных интересов, объединение нации, нахождение единых для всех идей*»³. Именно таким образом в рамках большинства известных нам классических теорий государство рассматривалось на протяжении многих веков.

Однако сегодня очевидным является тот факт, что государство утратило свою изначальную социальную природу и общественную миссию. С момента появления феномена государства в системе взаимодействий «государство – общество» всегда существовали противоречия, проявлявшиеся в попытке «государства», а по сути - определенной специальной группы членов общества (которую мы называем властвующим политическим классом)⁴, занимающихся государственной или политической деятельностью, выйти из состояния «служащих» обществу в состояние «властвующих» над обществом⁵.

² Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2023.

³ Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

⁴ Сюда же мы можем отнести и иных негосударственных акторов (включая глобальные технологические и IT-корпорации и др.), претендующих на участие в процессах приобретения и реализации власти.

⁵ Так, еще К. Маркс в свое время справедливо определил в своей классовой теории государство как институт, обслуживающий интересы властвующего класса, а не общества как такового, а задолго до него Томас Гоббс писал о том, что «при демократии <...> личное благополучие лиц продажных или честолюбивых обеспечивается не столько общественным

При этом именно в текущий момент смены эпох данные противоречия стали наиболее очевидными и выраженными. Длившаяся долгое время трансформация содержательных и функциональных характеристик государственных систем и институтов привела к формированию у государства своих собственных самодостаточных иерархий, целей, ценностей, интересов, зачастую не просто не соответствующих и противоречащих общественным интересам, ценностям и целям, но и имеющих ярко выраженный асоциальный характер.

Отметим, что формальные юридические инструменты, призванные обеспечить подотчетность государственной власти народу - от конституций до специальных ограничений, накладываемых на чиновника, - лишь в некоторой части способны ограничить власть конкретных лиц. А в эпоху развитого капитализма при переходе к так называемому «постиндустриальному обществу» за счет использования достижений научно-технического прогресса в информационной области, ставших в значительной степени инструментом манипулирования общественным сознанием, а также превращения демократической процедуры выборов в отточенный политико-технологический процесс, эти ограничения и возможности удержания государственной власти под общественным контролем стали тем более неэффективными, что мы и наблюдаем на сегодняшний день повсеместно.

Неслучайно на сегодняшний день мы являемся свидетелями того, как человечество переживает период тектонической смены эпох. В политическом аспекте это связано, **во-первых**, с небывалым нарастанием как общественного неравенства внутри стран, так и межстранового неравенства (в первую очередь, ресурсного и технологического). Несмотря на попытки колониальных держав убедить мировое сообщество в отказе от колониальной политики, многие специалисты отмечают, что сегодня осуществлен переход от классического

процветанием, сколько чаще всего вероломным советом, предательством или гражданской войной».

сырьевого колониализма к технологическому неоколониализму⁶, что актуализирует вопросы, связанные с обеспечением технологического суверенитета современных государств⁷);

во-вторых, как следствие первого, мы наблюдаем признаки стремительного перехода в ярко выраженную антагонистическую форму противоречий в системе взаимодействий «общество-государство», в рамках которой государство, а также объединения государств претендуют на свою первичную и главенствующую роль⁸, что коренным образом вступает в противоречие с изначальными целями создания государства как такового. Примечательно, что о таких противоречиях говорят и западные политики. Например, правый политик из Королевства Нидерландов Ева Влардингербрук констатирует, что «понятия ответственности больше не существует в современной политике. Так что вместо того, чтобы отправиться прямиком в тюрьму — где ей самое место, — Урсула фон дер Ляйен продолжит свое незаконное правление на посту главы Европейской комиссии»⁹¹⁰. В свою очередь, польский депутат Европарламента Эва Зайончковска-Герник прямо говорит об ответственности Урсулы фон дер Ляйен за ее многочисленные попытки разрушить Европу: «Вы несете ответственность за каждое изнасилование, каждое нападение, каждую трагедию, вызванную наплывом нелегальных мигрантов <...> Вы должны сесть в тюрьму!»¹¹¹²;

⁶ Курочкин А.В., Морозова С.С. Цифровая колониализация как угроза национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 64–72; Грибанова В.В., Хозолькова Н.Е. Актуальные проблемы исследования колониализма, неоколониализма и деколонизации // Азия и Африка сегодня. 2024. № 2. С. 64–67.

⁷ Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 1. С. 92–105; Карев Д.А. К вопросу о сохранении суверенитета в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 32–34.

⁸ Измestьев С.В. Присвоение государства и глобальная революция // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7(173). С. 117–133.

⁹ <https://x.com/EvaVlaar>

¹⁰ Соцсеть X (бывшая Twitter) заблокирована на территории России по требованию Генпрокуратуры РФ.

¹¹ <https://x.com/EvaVlaar>

¹² Соцсеть X (бывшая Twitter) заблокирована на территории России по требованию Генпрокуратуры РФ.

в-третьих, в попытке поставить массы под контроль уже на новом уровне правящая глобалистская верхушка осуществляет небывалый социальный эксперимент по дегуманизации человека с целью создания некоего абсолютно предсказуемого и управляемого социума¹³. Одним из ярких примеров данного утверждения являются активно иницилируемые, поддерживаемые и реализуемые в странах западного мира проекты социальной инженерии¹⁴, связанные с попытками преобразовать человека, изменить его изначальную природу, перепрограммировать его традиционную систему ценностей, верований и убеждений в интересах самого государства (в результате чего эвтаназия продвигается как эффективный способ избавления от экономически «неоправданных» расходов на неперспективные группы населения – стариков, тяжело больных людей и т.д. –, а разнообразные меньшинства приобретают доминирующую роль и приоритет своих интересов в общественно-политической жизни). К этому можно добавить отказ от концепции социального государства, вознесение принципа приоритета индивидуальной свободы в абсолютную ценность демократического общества, возникновение гендерной теории, а также практику «промывания мозгов» с использованием всех достижений информационных технологий, которые, по сути, ведут к расчеловечиванию человека¹⁵. Все это является отражением кризиса общественно-государственных отношений;

¹³ Головач А.А. "Расчеловечивание человека" - ключевая проблема современной эпохи // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69. № 1. С. 18–24.

¹⁴ Крючкова С.Е., Храпов С.А., Крючкова Е.В. Цифровые технологии как средство социальной инженерии // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 4. С. 42–54.

¹⁵ Попова О.В. Технологическая колонизация интимности: от любви к технологиям - к биомедицинским технологиям против любви // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. С. 145–159; Поломошнов А.Ф., Рыковская Л.А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12(116). С. 63–68; Андреева В.А. Постгендерная антропология как политический инструмент тоталитарной демократии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 3(49). С. 74–77; Труфанова Е.О. Человек в плену цифрового кокона: социокультурная идентичность в эпоху цифровизации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2022. № 2(22). С. 69–78; Комаров А.Г. Проблема конституирования человека в цифровом мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 1. С. 77–80.

в-четвертых, в межгосударственных отношениях на фоне полного игнорирования общественных интересов происходит демонтаж ключевых международных институтов, а также самого международного права¹⁶, что лишь усугубляет ситуацию, связанную с современными катастрофическими вызовами, являющимися следствиями все большей ограниченности ресурсов, климатических изменений и пр., требующими тесных и эффективных коллективных взаимодействий международного сообщества. Однако интересы современных государств-гегемонов находятся, как правило, совершенно в иной плоскости, а их представители очевидно исходят в своей деятельности в отношении своих геополитических государств-оппонентов, стремящихся защитить свои собственные национальные интересы, из известного принципа «разделяй и властвуй» и концепции «управляемого хаоса» (примеры применения которой можно наблюдать в разных уголках мира – от Ближнего Востока и Балкан до постсоветского пространства). Безусловно, все это не имеет отношения к общественным интересам населения тех стран, которые проводят подобную политику.

В международных отношениях обозначенный нами кризис проявляется в отказе от признания равенства и диалога цивилизаций. Мы наблюдаем беспрецедентное нарастание конфликтности и применения военной силы в обход механизмов ООН, как это имело место, например, в отношении Сербии в 1999 году объединенными силами НАТО. Как метко отметил немецкий политолог Александр Рар, «еще нет войны, но присутствует соперничество, когда все тянут одеяло на свою сторону. Мир меняется. Действительно прежний мир развалился, его куски лежат повсюду и их сейчас нужно заново собрать»¹⁷. Сходного мнения придерживается и директор французского института международных отношений (IFRI) Тома Гомар, в 2015 г. написавший

¹⁶ Безбородов Ю.С., Халафян Р.М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // Закон. 2022. № 8. С. 13–29; Дуткевич П. Грандиозный раскол // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 6(118). С. 22–34.

¹⁷ <https://rg.ru/2019/02/17/nemeckij-politolog-ob-osnovnyh-tendenciiah-miunhenskoj-konferencii.html>

в журнале *Revue des Deux Mondes* о появлении линии разлома – времён и духовных ориентиров, государств и цивилизаций¹⁸. Глава же европейской внешнеполитической службы Жозеп Боррель в беседе с корреспондентом Euronews¹⁹ высказался наиболее емко, заявив, что «сейчас не время для дипломатических разговоров о мире <...> значительную часть своего времени я провожу, говоря об оружии»²⁰.

Опираясь на объективные факты, приходится признать, что произошел демонтаж создававшейся на протяжении всех восьмидесяти лет после окончания Второй мировой войны системы обеспечения международной безопасности, основанной на концепции сдерживания, базирующейся на военно-ядерном потенциале двух военно-политических блоков, ведомых двумя сверхдержавами.

Однако антиконституционный переворот, как следствие Беловежского соглашения, приведший к распаду СССР вопреки результатам единственного за всю историю СССР Всесоюзного референдума о сохранении СССР (17 марта 1991 г.), лишил эту систему одного из необходимых оснований и стал спусковым крючком геополитической катастрофы. Предложенный тогдашним российским руководством в обоснование необходимости дезинтеграции СССР тезис о том, что для успешного преодоления экономического кризиса надо разъединиться с тем, чтобы потом объединиться на новой основе, привел к возникновению серьезнейших центробежных сил, разрушивших единое цивилизационное, экономическое, политическое и культурное пространство бывшего СССР. Это оставило все республики бывшего СССР, включая Россию, один на один с колоссальными вызовами созидания новых государственных и крайне противоречивого по своим основаниям нациестроительства.

В результате исторически сложившаяся «русская православная цивилизация» (по определению С. Хантингтона) также оказалась разорванной,

¹⁸ <https://globalaffairs.ru/articles/posledstviya-raskola-mezhdu-rossiej-i-zapadom-2/>

¹⁹ Сайт Euronews заблокирован в России по требованию Генпрокуратуры РФ.

²⁰ Цит. по: <https://ru.euronews.com/my-europe/2023/05/05/eu-borrell-interview-news>

что в купе с серьезными ошибками советского и российского руководства в дальнейшем было использовано геополитическими противниками России для разжигания конфликтов на постсоветском пространстве, включая и актуальный российско-украинский военный конфликт, который формирует сегодня геополитическую повестку дня.

Если советское руководство в 1985–1990 гг. еще находилось в плену иллюзий о формировании новой эры разрядки и деидеологизированных международных отношений, то властвующий политический класс США рассматривал «российскую перестройку» и последующий развал СССР однозначно как свою окончательную победу в Холодной войне. Такое понимание незамедлительно вызвало к жизни потребность в ревизии международного права и его инструментов поддержания мира и стабильности.

Во главу угла новой политической доктрины США были положены хорошо известные работы З. Бжезинского и влиятельных неоконгов, а также идея «конца истории» Ф. Фукуямы и образования мира с США в качестве единственной супердержавы, которая обладает не только самой могущественной экономикой мира, но и в крайнем проявлении почти религиозного мессианства представляет их себя пример абсолютной победы демократии над «силами зла», «Сияющий град на холме».

Стало очевидным, что в такой концепции политического мироустройства ни о каком равном партнерстве государств и цивилизаций (и это касалось не только СССР, а затем России, но и вообще всех и любых государств, как показало современное развитие событий) речи идти не могло. Достаточно вспомнить откровения основателя «частного ЦРУ» «Stratfor» Джорджа Фридмана, который с предельной откровенностью еще в 2016 г. обозначил цель США в отношении Германии, а также приоритеты западных государств в отношении России. Фридман заявил в своем интервью немецкому новостному агентству Deutsche Wirtschafts Nachrichten: «Не только США хотят остановить российско-германский союз. Нет ни одной страны в Европе, поддерживающей такой альянс. Польша и Франция, например, — яростные противники

подобного союза. Сближение России и Германии — ужас и страх для Европы»²¹. Такая позиция не является уникальной. Скорее она отражает общий тренд на стратегическое разъединение и противостояние с Россией. Так, Александр Рар по итогам Мюнхенской конференции по безопасности в 2019 г. также заявил: «Россия, конечно, понимает, что Украина используется как таран для того, чтобы сдерживать Москву. В политике европейской и американской, если говорить в геополитической терминологии, самое главное — не допустить, чтобы Россия вернула себе мощь в Европе и на мировой арене. Поэтому Украина очень удобный инструмент, который всегда можно использовать для ослабления России для того, чтобы европейские страны и Россия не сближались для того, чтобы Германия и Россия не выстроили свой альянс, чего боятся поляки²², американцы, прибалты. Это реальность. Я думаю, ее изменить при нынешнем поколении европейских политиков невозможно»²³.

Таким образом, обозначенная нами смена эпох, продиктованная колоссальными достижениями человечества в научно-технической области, изменением самой среды обитания человека, сменой научно-технического уклада и социальной организации общества, а также невероятным ростом имущественного и, как следствие, социального неравенства как внутри конкретного общества, так и между странами и народами, привела человечество, с одной стороны, к осознанию недостаточности имеющихся знаний о законах общественного развития, а с другой — вызвала появление различных технократических проектов — от клонирования человека до формирования «совершенного человека», в пределе легко манипулируемого и управляемого, как это предсказывалось в произведениях известных фантастов.

²¹ <https://regnum.ru/news/2068249>

²² В этой связи показательным является мнение бывшего главы немецкой разведки, высказавшего предположение, что Польша активно содействовала Украине в реализации операции по взрыву газопровода «Северный поток»: <https://iz.ru/1743300/2024-08-15/eks-glava-razvedki-frg-rasskazal-o-rol-i-polshi-v-podryve-severnykh-potokov?ysclid=lzx6a4gdxo602631730>

²³ <https://rg.ru/2019/02/17/nemeckij-politolog-ob-osnovnyh-tendenciiah-miunhenskoj-konferencii.html>

Все вышеперечисленное с неизбежностью подводит нас к выводу о том, что при изучении происходящих глобальных трансформаций во всех областях человеческой деятельности, общественного развития и международного сотрудничества упускается именно созревший кризис в системе взаимодействий «государство- общество», который, по нашему мнению, приобрел общий и при этом долгосрочный наднациональный характер.

В связи с этим подобная ситуация уже не позволяет нам рассматривать государство и проводимую им политику, используя традиционные концептуальные оптики, т. к. сложившееся традиционное понимание политики с научной точки зрения не является релевантным реальным формам ее реализации как вида институциональной деятельности в современном мире²⁴. Актуальная практика функционирования современных государств приводит нас к необходимости глубокого переосмысления существующих подходов к содержательному и функциональному пониманию политики в целом и государственной политики в частности. При этом сама политика должна, по нашему мнению, рассматриваться отдельно как вид деятельности и как научная дисциплина.

В этой связи не слишком обоснованными кажутся попытки провести разграничение между «государственной политикой» как неким «устарелым» понятием или понятием, отражающим «устаревший» или «неправильный» тип отношений между государством и обществом – авторитарный или тоталитарный, и «публичной политикой», которая отражает более высокую степень гражданского контроля государства и гражданского участия в формировании политики. Различия в степени формальной открытости и подотчетности государства и государственной политики, конечно, присутствуют и имеют объективные основания, связанные с характеристикой

²⁴ Соколов А.В. Осмысление трансформации государства в условиях противоречий начала XXI века // Политическая наука. 2022. № 3. С. 317–324; Малько А.В., Панченко В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 42–46; Бредихин А.Л., Фомичев С.М. Интересы личности, общества и государства в процессе трансформации форм государства // Теория государства и права. 2023. № 2(31). С. 12–19.

политической культуры, политической системы и с более глубинными, ценностными, цивилизационными характеристиками, однако это не означает, что за формально более открытыми механизмами и процедурами не может встречаться еще более высокий уровень отчуждения власти от народа и государства от общества. Политика как объект исследования настолько сложна для изучения, что вопрос об образовании и науке в этой сфере по сей день балансирует между позицией «политика как искусство» и позицией «сфера изучения политического - это сложное междисциплинарное поле многих наук», что отражается в классификации политических наук в образовательных программах в западных университетах – в качестве “Arts” или “Science”. В конечном итоге, единых (в мировом измерении) представлений о том, как изучать сферу политического, а также о том, где заканчивается научный анализ и начинается политическое и идеологическое конструирование, так и не сложилось.

Данное обстоятельство ставит перед научным сообществом невероятно сложную задачу переосмысления теории государства, функционирования его институтов, формирующих и реализующих государственную политику в интересах достижения общественного блага на основе равенства, взаимного уважения к правам личности каждого гражданина при безусловным уважении законных прав других, суверенитета и равноправного диалога цивилизаций, с учётом всех достижений научно-технического прогресса.

Исходя из данных представлений, основной целью статьи является представление научно обоснованного определения политики как, во-первых, специфического вида человеческой деятельности, а во-вторых - как науки о законах развития государственности и системе взаимодействий государства (власти) и общества (его организаций, институтов, и индивидуумов) по поводу легитимизации целей и ценностей развития, достижения общественных интересов и сохранения суверенитета во взаимодействиях с другими государствами.

В свою очередь, основной исследовательской задачей настоящей работы является реконцептуализация понятия государственной политики в современных условиях трансформации традиционных содержательных и функциональных параметров функционирования государства для формирования релевантной и адекватной актуальному положению дел объяснительной модели современной и при этом реальной государственной политики.

Цивилизационно-ценностные основания государственной политики

Что лежит в основание государственной политики? Ответ на этот вопрос неоднозначен. От того, какие ответы даются на него, по большому счету и зависит различие научных школ в политологии. Определение оснований исследуемого предмета изучения (для политологии – основание политики) устанавливает парадигму объяснительных моделей. Далее на фундаменте устанавливаемых парадигм выстраивается все здание используемых логических цепочек, категорий, интерпретаций.

Известны трактовки оснований политики через экономику, социальные, в том числе классовые интересы, стремление к власти, столкновение субъективных волеизъявлений, агрегацию общественных запросов, проявление географических доминант, выражение духа нации и др. Научная школа, сложившаяся вокруг кафедры государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, тоже имеет свое видение того, что лежит в основании государственной политики²⁵. В качестве такого основания определяются ценности, исторически сформировавшиеся в ходе многовековой эволюции для конкретного народа (человеческой общности), что позволяет характеризовать заявляемый подход как аксиологический.

Ценности задают те или иные целевые ориентиры (систему целей), на достижение которых и должно быть ориентировано содержание

²⁵ Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности. М.: Издательство Московского университета, 2021.

государственных политик. Ценности и цели служат опорой в формировании системы смыслов, выражаемых через различные теории, доктрины, учения, манифесты. По отношению к смыслам государственной политики может быть использовано понятие «мировоззрение», запрос на формирование которого провозглашается на самом высоком уровне государственно-общественного дискурса, в частности в России. Проблемы в рамках аксиологического подхода понимаются в качестве препятствий к достижению поставленных целей. Средствами их решения выступают нормативно-правовые акты, методы, технологии, приемы, совокупность актов управленческих действий²⁶.

Важно подчеркнуть связанность средств с заявляемыми ценностями и целями. Ведь как отсутствуют универсальные ценности, также отсутствуют и универсальные средства. К проблемной повестке современной государственной политики России относятся в фазе применяемых средств две ключевые проблемы. Первая проблема – подмена средствами целей приводит к бюрократизации, парализующей сегодня всю систему управления. Управленец-технократ оказывается в реалиях разрыва с ценностями (на самой начальной стадии формирования государственной политики) просто бюрократом, реализующим указания вышестоящего руководства. Вторая проблема – рассогласованность заявляемых ценностей и целей с используемыми технологиями, сопряженными с парадигмами политологических подходов, являвшихся основаниями государственной политики в фазе постсоветского либерального транзита 1990-х годов. Заявленные в настоящее время в доктринальных документах Российской Федерации ценностно-целевые ориентиры являются уже иными, чем те, которые манифестировались в соответствии с идеологемами «общечеловеческие ценности» и «все цивилизованные страны», а весь набор средств был сохранен и по-прежнему

²⁶ Багдасарян В.Э. Ценностные основания государственной политики: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018; Якунин В.И. Аксиологический подход в теории экономического развития // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 7–17.

воспроизводится фактически в неолиберальном ключе, что представляет собой явное противоречие²⁷.

Опора на ценностные основания в выстраивании государственных политик в логике аксиологического подхода предполагает вопрос о происхождении самих ценностей. В реалиях существования государств властными командами могут быть взяты самые различные ценностные пакеты. Известны прецеденты, когда ценности властвующего класса оказывались несовместимыми с существованием соответствующих сообществ. Гибель СССР находится в ряду проявлений такого рода ценностных рассогласований. Известны также варианты, когда властная группировка исходила из ценностных представлений привилегированной социальной группы, что вело на практике к усилению гнета над большинством, росту поляризации общества, расколу, а также такому специфическому, в том числе для постсоветских стран, явлению, как «захват государства» (“state capture” в терминологии многих исследователей, в том числе в докладах Всемирного банка)²⁸.

Очевидно, что ценностный выбор властной группировки неизбежно должен был бы соотноситься с ориентирами укрепления жизнеспособности возглавляемой ею страны. Должны быть взяты ценности, укрепляющие жизненные потенциалы соответствующего сообщества, и блокированы деструктивные для него иные ценностные ориентиры. Установление такого критерия ценностного выбора выводит нас на обращение к цивилизационному фундаменту государственности. Ценности, принимаемые в качестве основания государственной политики, являются в этой версии ценностями цивилизационно-идентичными. Аксиологический подход применительно к политологии и уже к государственной политике оказывается соединен с цивилизационным подходом. Именно такое соединение и составляет

²⁷ Якунин В.И., Сулакшин С.С., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт, 2012.

²⁸ <https://documents1.worldbank.org/curated/en/537461468766474836/pdf/multi-page.pdf>

особенность заявляемой научной школой кафедры государственной политики методологии²⁹.

Цивилизационно-идентичные ценности формируются исторически как механизм, максимизирующий потенциалы соответствующего сообщества в специфических средовых условиях существования. Они не изобретаются и не конструируются, как утверждают сторонники конструктивизма, а задаются самой жизнью. Ложные ценности исторически, путем проб и ошибок, отбрасываются, а подлинные для соответствующей цивилизации закрепляются на уровне коллективной памяти, а межпоколенческая трансляция цивилизационно-идентичных ценностей осуществляется посредством традиции. Опора государства на цивилизационно-идентичные ценности максимизирует потенциалы социума, создавая тем самым основания для исторических прорывов. Величайшие исторические прорывы и осуществлялись в тех ситуациях, когда достигалось соответствие государственной политики и цивилизационного фундамента соответствующего сообщества.

Антиценности применительно к цивилизационному подходу являются ориентирами, прямо противоположными цивилизационно-идентичными ценностями. Зачастую в истории разных государств к власти приходили элиты, выстраивавшие свою политику на разрыве с цивилизационной традицией, маркируемой как проявления архаики. Часто такого рода инверсии фиксировались в ситуации реального технологического отставания. Стратегической ошибкой элит являлось обнаружение причин технологического отставания в самих цивилизационно-идентичных ценностях, тогда как менять следовало устаревшие инструменты и средства. В значительном числе известных исторических прецедентов принятия повестки антиценностей имело место

²⁹ Якунин В.И. Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 7–20

навязывание их извне, как посредством пропаганды, так и использования режимов внешнего управления³⁰.

Принятие антиценностей в качестве основы государственной политики неизбежно приводило страну в состояние системного кризиса. Такие периоды в российской истории определялись понятием «смута». Россия пережила в своей истории несколько «смут», и преодоление «смутных времен» осуществлялось всякий раз при возвращении к цивилизационно-идентичному ценностному фундаменту³¹. Происходило изменение форм и политического языка при цивилизационном воспроизводстве ценностных констант. Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, современная возрождающаяся Россия есть в цивилизационном осмыслении *суть воспроизводимой исторически на основе базовых ценностных констант российской государственности*³².

Запрос на методологию ценностно-цивилизационного подхода применительно к государственной политике и общественному строительству в целом направляется в настоящее время с самого высокого уровня властной вертикали. Указами Президента Россия позиционируется в качестве государства-цивилизации, а основой президентского курса утвержден пакет традиционных российских духовно-нравственных ценностей³³. Сдвиг в этом направлении очевиден. Однако в общественных науках цивилизационный подход по-

³⁰ Шакирова Е.С. Антиценности современного российского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4(36). С. 165–170.

³¹ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997; Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» россиееведения: от империи к смуте, от смуты к...? // Россия и современный мир. 2010. № 4(69). С. 48–65.

³² Марасанова В.М., Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Титова Л.Г., Кудрина С.А. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

³³ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>; Указ Президента Российской Федерации от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

прежнему находится на периферии. По поиску в каталоге «Научной электронной библиотеки диссертаций и авторефератов» - Dissercat с 1980-х годов было найдено всего четыре диссертации на соискание ученых степеней по политическим наукам, содержащим в названиях понятия «цивилизация» или «цивилизационный»³⁴. Для сравнения за этот же период по философским наукам с соответствующими понятийными компонентами в названиях было в результате поисковых запросов найдено 114 диссертаций. Однако среди них в подавляющем большинстве случаев цивилизация понимается в вариативном смысле различающихся сообществ, в ракурсе теории эволюции как стадии развития³⁵. Рассмотрение России с позиции теории цивилизаций и игнорирование цивилизационного подхода на уровне ядра общественных наук является серьезной проблемой и вызовом³⁶.

Цивилизационный подход предполагает отказ от оценок сообществ по шкалам «высшие – низшие» и «передовые – отсталые». Оценивание по критериям «высшие – низшие» после 1945 года, казалось бы, более невозможно. Но рецидивы расизма, как человеконенавистнической идеологии, по-прежнему проявляются в пространстве большой политики, хоть и в закамуфлированном виде. К таким рецидивам можно отнести, в частности, феномен, получивший условное определение «культура отмены». При этом в российском политологическом дискурсе данная попытка рассматривается как попытка «отмены культуры», со всеми вытекающими отсюда историческими

³⁴ Горбачев М.В. Цивилизационная идентификация политических проектов и проектирования в политике: диссертация ... доктора политических наук. Саратов: 2018; Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира (Политологический анализ): диссертация. ... доктора политических наук. М.: 2003.

³⁵ Шаповалов Ю.В. Специфика техногенной цивилизации в условиях глобализации: диссертация ... кандидата философских наук. Армавир: 2010; Кот Я.И. Социально - философский анализ трансформации феномена свободы в условиях техногенной цивилизации: диссертация ... кандидата философских наук. М.: 2020; Карачева Т.И. Технотронная цивилизация: Сдвиг от проблем экологии к виртуальной реальности. М.: 1999.

³⁶

коннотациями³⁷. За попытками отмены или дискредитации «нежелательных культур» обнаруживаются ксенофобские, фактически неорасистские установки – русофобия и исламофобия. Олимпиада 2024 года в Париже также обнаружила на уровне глобальных элит готовность, по выражению официальных представителей Ватикана, «выставлять в нелепом свете» христианские религиозные убеждения³⁸, что косвенно может быть подтверждением феномена христианофобии³⁹.

Еще более распространены оценки по критериям «передовые – отсталые». Такие оценки по-прежнему доминируют в мировой политологии, задавая соответствующие стереотипы при формировании политической рецептуры. Передовыми в рамках принятой системе глобального доминирования позиционируются страны, относимые к Западной цивилизации, либо незападные страны, активно в ней укорененные (такие, как Япония или Южная Корея). Соответственно, созданные на Западе институты и реализованные подходы определяются в качестве ориентиров для незападных сообществ.

Государственная политика в логике эволюционного подхода определялась целевой установкой достижения состояния западных сообществ. Дискуссия в рамках эволюционного подхода состояла в том, копировать ли исходно либеральные институты Запада или осуществлять движение в направлении к ним через переходный этап (авторитарной модернизации или постсоциалистического транзита)⁴⁰.

³⁷Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695>

³⁸ В Ватикане выразили разочарование в некоторых сценах открытия Олимпиады: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21525417>

³⁹ Асафов А.Н. «Культура отмены» как механизм политического давления неокOLONIALИЗМА для поддержания однополярного мироустройства. М.: Медиагород, 2024; Багдасарян В.Э. Василик В.В., Иерусалимский Ю.Ю., Лантратова Я.В., Мякишев А.П., Хазанов А.М., Якунин В.И. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма. Материалы экспертного круглого стола // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–25

⁴⁰ Гельман В.Я. Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 38–61; Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития. // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 3–12; Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // Философия и культура. 2018. № 3. С. 17–33.

При разногласиях в определении оптимальных средств общность позиции всегда состояла в определении целевого ориентира – достижения состояния передовых сообществ. Цель заключалась в том, чтобы перейти из положения отсталых или развивающихся в передовые. И для экспертов, обслуживающих властные институты общественных наук, такой ориентир до последнего времени являлся самоочевидным. Следует указать, что подобное деление на развитых и не очень, передовых и отсталых, а также навязывание западного стандарта прогрессивности, успешности и т.п., полностью противоречит цивилизационному подходу, в котором все цивилизации, вне зависимости от их экономической, военной или политической мощи, признаются *суверенными и равными* в области международного права и любых межгосударственных отношений.

Однако современное состояние Западной цивилизации стало вызывать в других странах сомнение в правильности избранных ценностно-целевых ориентиров. Сомнение в ценностях Запада породило соответственно и запрос на ревизию универсализма эволюционного подхода, дифференцирующего сообщества по критерию передовых и отстающих. Альтернативой ему и стал цивилизационный подход, утверждающий различие цивилизаций в их ценностных ориентирах. То, что для одних цивилизаций будет считаться проявлением прогресса, для других может таковым не считаться, и даже напротив - рассматриваться в качестве симптоматики упадка⁴¹.

Соответственно, и государственная политика для государств мира должна быть производна не от условно универсальных, а цивилизационно-идентичных ценностей. Однако при этом необходимо учитывать и ошибки прошлого. Главной исторической ошибкой незападных сообществ являлось игнорирование развития науки и техники с позиций обеспечения безопасности государств перед угрозами внешнего вторжения. Западная цивилизация, достигнув на определенном

⁴¹ Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645–658.

историческом этапе научно-технического доминирования, использовала свое превосходство для создания колониальных империй. Для защиты цивилизационно-идентичных ценностей, как неременное условие, необходимы суверенитет и суверенное государство. Суверенное государство должно с позиций цивилизационной теории опираться на цивилизационно-идентичные ценности и со своей стороны осуществлять политику их защиты и воспроизводства в обществе.

Цивилизационный подход задает необходимость политологического переосмысления представлений об основном акторе политики – государстве. Представление о государстве как институте сложилось в рамках развития западной общественной мысли и связано с цивилизационным контекстом цивилизации Запада. Теория двух мечей святого Августина – Государства и Церкви в дальнейшем, в секулярный период, была трансформирована в идею отношений двух институций – государства и общества⁴². С Никколо Макиавелли государство стало пониматься в институциональном ракурсе как *stato*. Понятия *state* и *state policy* являются производными от этого понимания⁴³.

Но для российского цивилизационного контекста государство никогда не являлось институтом. Православная теория симфонии принципиально отличалась от «теории двух мечей», задавая принципиально иное видение цивилизационного жизнеустройства. Государство не воспринималось в России институтом, а выступало общественным интегратором. Государственное тягло мыслилось как всесловное дело. Общественное совпадало с государственным. Безусловно, такое видение являлось чистой моделью, и реальное государство существенно отличалось от идеального. Но идеальные ориентиры имели значение в качестве понимания должного⁴⁴.

⁴² Whalen B.E. The Two Powers: The Papacy, the Empire, and the Struggle for Sovereignty in the Thirteenth Century. University of Pennsylvania Press, 2019.

⁴³ Мартышин О.В. К истории формирования понятия "государство" // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 37–48.

⁴⁴ Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 3 (2). С. 147–150.

Государство не понималось в качестве института ни в Российской империи, ни в СССР. Концепт Советов, взятый за основу государствовоительства в СССР, являлся новой попыткой государственно-общественного синтеза, альтернативой институциональному видению европейской теории разделения властей⁴⁵.

В исходной модели институционального разделения государства и общества государственная политика мыслилась как институциональное взаимодействие с различными общественными группами и акторами. Она оказывалась балансом этих отношений, результатом соотнесения различных сил и интересов. В российской версии холистского осмысления государства и общества государственная политика задавалась ориентирами достижения общественного идеала. И очевидно, что переосмысление государственной политики в ракурсе цивилизационного подхода предполагает ревизию устоявшихся в отечественной политологии за треть столетия подходов фактически ко всем разделам политической науки.

Государство и общество – коллизии отношений

Государствогенез представлял собой исторический этап социогенеза. Государства были созданы народами для реализации тех или иных (в зависимости от различающихся исторических обстоятельств) функций. Однако в настоящее время реально реализуемые функции государства, теоретически описанный государственный функционал и запросы общества обнаруживают принципиальное расхождение. Возрастание дистанции между государством и обществом может привести в перспективе к самым критичным и даже катастрофическим последствиям⁴⁶.

⁴⁵ *Стрекалов И.Н.* Народная тайна русской революции. Советы. 1905—1917 гг. М.: Родина, 2020.

⁴⁶ *Якунин В.И., Володенков С.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В.* Политические трансформации в условиях глобальной нестабильности и неопределенности будущего (по материалам международного экспертного исследования) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 7–33.

Существуют, как известно, различные теории происхождения государства. Все их можно условно разделить на две группы. Первая группа объясняет генезис государства в качестве производной от задач, возникающих перед обществом. Вторая группа дает объяснение происхождения государства, как силы подавления общества. К последней группе относятся, в частности, теория завоевания и теория классового господства. Вероятно, правильным будет признать, что существовали разные пути государственногенеза. Где-то государства создавались для контроля завоевателей над местным населением, где-то, как объединения для защиты от врагов, где-то для организации ирригационных работ, требующих соответствующего уровня централизации. Различалось, соответственно, и содержание государственной политики⁴⁷.

Тем не менее, прослеживались и общие тенденции развития государств. Тенденцией развития государств мира по мере выстраивания государственного аппарата и формирования силовых структур являлось возрастание дистанции с народом. Если при режимах военных демократий эта дистанция была сравнительно невелика, то при режимах империй властный уровень являлся для народа недостижимым. Зачастую государство идентифицировалось с государем или династией. Служить государству означало служить государю. И благо, если государь оказывался радетелем за народ и Отечество. Но мог на престоле оказаться и правитель, подобный спалившему Рим Нерону. У дистанцировавшейся от народа власти могли возникать ценности и идеи, далекие от ценностей и идей народа. Зачастую в рамках одной страны формировались сразу две культуры – элитная и народная. В ряде стран имели место ситуации использования элитой и народом разных языков. Раскол между государством и народом при достижении критических порогов приводил к системному кризису. Такие кризисы фиксируются в истории фактически каждой из цивилизаций.

⁴⁷ Гаврилюк Р.В., Носаненко Г.Ю., Арсланов Р.Э. Теории происхождения государства: общая характеристика. // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 2(31). С. 10–13.

На фазе выхода из кризиса находились механизмы контроля народа над государственной властью. Часто их установление оказывается возможным в результате революций. Возникает феномен гражданской нации. Государство в логике этой модели должно руководствоваться национальными интересами, выражать национальное волеизъявление. Положение о суверенитете нации или объединенного народа в настоящее время помещено в преамбулу подавляющего большинства конституций существующих в мире государств.

Однако вопреки этим установлениям с течением времени обнаруживается новая тенденция дистанцирования государства от общества. Еще в 1975 году на нее указывалось в докладе Трехсторонней комиссии «Кризис демократии», подготовленном М. Крозье, С. Хантингтоном и Д. Ватануки⁴⁸. Народовластие подменялось де-факто новым корпоративизмом. Приверженность идеям демократии в официальных реляциях сохранялась, хотя в реальности народ все более отсекался от участия в политике. Выборы все более связывались с политическими технологиями и, соответственно, с имеющимися ресурсными возможностями.

Новое дистанцирование государства от общества определялось возрастающей связью политического класса с крупными корпорациями. Сращивание государства с корпорациями, равно как и превращение государств в корпорации, приводило объективно к устранению из политики народа. Народ по-прежнему позиционировался как учредитель государства, но фактически от участия в формировании политической повестки был отстранен⁴⁹.

Государственная политика оказывалась политикой реализации корпоративных интересов. Фактически имел место процесс выстраивания модели приватизированного государства. И эта модель подменила собой модель

⁴⁸ The Crisis of Democracy. A Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: University Press, 1975.

⁴⁹ Косолапов Н.А. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 19–37.

государства-нации. Проявляется коллизия столкновений систем государства-нации и государства-корпорации⁵⁰.

Национальные корпорации между тем объективно уступают позиции ТНК. В этой логике связанные с национальными контекстами государства-корпорации должны в перспективе уступить свои позиции неким транснациональным объединениям и, в итоге, «глобальному государству». Неслучайно стратегия национальной безопасности США 2022 года уже использует понятие «глобальное государство» по отношению к Соединенным Штатам Америки⁵¹.

Выход из сложившейся ситуации видится в развитии концепта государства-цивилизации. Государства-цивилизации опираются на цивилизационно-идентичные ценности, и в этом отношении связаны с субъектностью всей цивилизационной общности. Вставая на платформу цивилизационно-идентичных ценностей, государство следует историческим установлениям, а не логике частных интересов. Государство-цивилизация по самой своей природе не может принять повестку ТНК и проект создания глобального государства⁵².

Российская модель государства-цивилизации — это, кроме того, и восстановление симфонического подхода к государственно-общественным отношениям. Приняв западный подход к государству как институту, российский управленческий класс наделил его собственными институциональными интересами. Симфоническая же модель, соединяя государство и общество в единую систему, синтезирует российские цивилизационные ценности в установления единой государственной политикой. Государственная служба в симфонической модели является не работой на корпорацию, а именно служением Отечеству и народу Российскому.

⁵⁰ Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 134–148.

⁵¹ National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>.

⁵² Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Ручкина А.В., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–89; Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М.: Аспект Пресс, 2024.

Цифровые технологические трансформации системы взаимодействий «государство – общество»

Стремительная эволюция и глубокое проникновение в ключевые сферы жизнедеятельности государства и общества современных цифровых технологий оказывает существенное влияние и на параметры функционирования современного государства, а также особенности реализуемой им государственной политики. Исходя из того, что настоящая статья базируется на определении политики как специального вида деятельности акторов (чиновников и профессиональных политиков, а также властвующего политического класса) по поводу власти, ее завоевания и удержания при помощи методов и технологий, легитимизированных обществом путем доступного волеизлияния, с одной стороны, и как науки о законах развития государственности и системе взаимодействий государства (власти) и общества с другой⁵³, то и цифровизацию современной политики как деятельности и как феномена особых взаимоотношений внутри системы взаимодействий «государство-общество» необходимо также рассматривать в этих двух аспектах.

Цифровые технологические трансформации неизбежным образом повлияли как на содержательные и функциональные параметры формирования и реализации актуальной государственной политики в технологически развитых странах (*политика – деятельность*), так и на дизайн и содержание отношений и взаимодействий между государством и обществом (*политика – наука о системе взаимодействий*).

Как в связи с этим отмечают А.П. Кочетков и А.Ю. Мамычев, «внедрение технологических инноваций в социальное взаимодействие и институциональный ландшафт общества кардинально меняет динамику и характер *функционирования* политических институтов и публично-властных *отношений*. Специфика цифрового развития, процессы виртуализации

⁵³ При этом следует оговориться, что мы намеренно сузили поле исследования до объема так называемых демократических политических систем, т.к. существуют и иные типы политических режимов, базирующиеся на иных цивилизационных принципах и ценностях.

публично-властной активности обуславливают трансформацию роли институтов в публично-властных отношениях, их структурно-функциональные характеристик, возникновение новых форматов общественно-политической идентификации и мобилизации»⁵⁴.

При этом данное определение не является исчерпывающим. И если с представлением политики как вида деятельности в целом связано достаточно много разработанных определений, то по поводу политики как науки о законах развития государственности и системе взаимодействий государства (власти) и общества следует дать ряд пояснений. Мы понимаем под системой взаимодействий государства (власти) и общества в первую очередь выработку властвующим политическим классом совокупности целей развития данного общества с обеспечением обязательного приоритета (доминирования) интересов и целей удержания власти именно данным классом.

Можно предположить, что при эволюционном развитии властвующего политического класса как части развивающегося общества возможно либо возникновение политических режимов тотального присвоения власти государством со всеми вытекающими из этого нарастающими противоречиями неравенства, неизбежно перерастающими в антагонистическую форму, с очевидным разрушением конкретной политической системы; либо же развитие политики как науки о достижении *общего блага* с постепенным сокращением административно-репрессивных методов управления обществом и созданием научной, базирующейся на ценностно-цивилизационных основаниях данного общества политики, как программы перехода от первичной стадии общественной самоорганизации к ее высшему уровню, т.е., уровню гармоничного и всестороннего развития человека в понимании при этом ценности и приоритетности общественного блага и необходимых добровольных самоограничений⁵⁶.

⁵⁴ Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135–145.

⁵⁶ *Keynes J.M.* Economic Possibilities for our Grandchildren // *Essays in Persuasion*. N.Y.: W. W. Norton & Co, 1963. P. 358–373.

Исходя из данных соображений, мы можем выделить сразу несколько «линий напряжения», характеризующих современное положение дел, связанное с цифровизацией политического пространства и политики в целом. В первую очередь, мы можем констатировать, что цифровизация принесла в качестве одного из своих последствий и новые эффекты, связанные с возникновением нового типа глубокого неравенства в обществе и между государствами, которое мы условно можем назвать в данной работе «цифровым неравенством»⁵⁷.

Иными словами, цифровизация сферы государственной политики и управления уже сегодня приводит к формированию такого нового типа политико-экономического неравенства, в котором у граждан возникают неравные права и возможности участия в формировании и реализации политики, что принципиальным образом отличается от традиционно равных гражданских прав и возможностей участия в политике. По сути, у разных политических страт (классов, слоев) общества возникает абсолютно разный доступ к участию в цифровизированной и виртуализированной политике, в результате чего одни группы людей по-прежнему выступают объектами государственной политики в рамках классической модели субъектно-объектного управления, а другие – уже ее субъектами в рамках субъектно-субъектной модели политического управления. Таким образом, *мы можем констатировать наличие интенсивных процессов технологической стратификации* в современной государственной политике.

Подобный новый тип неравенства базируется сегодня не столько на разнице в возможностях и скорости доступа к цифровым ресурсам, сколько на различиях в правах и возможностях участия в государственной политике, которыми обладают различные группы населения. И даже в самом

⁵⁷ Федотова Н.Н. Пользователи информационно-коммуникационных технологий в контексте цифровых неравенств и разрывов // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 1. С. 38–45; Шестак В.А., Сливинская Н.Ю. Проблема цифрового неравенства: подходы исследования // Информационное право. 2023. № 2(76). С. 18–22; Союзбек Кызы Г. Цифровые неравенства как социокультурная проблема современного общества // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2023. № S5. С. 111–117.

цифровизированном государстве будут существовать граждане, которые не хотят либо же не могут (в силу отсутствия соответствующих компетенций и навыков) использовать достижения технологического прогресса в системе взаимодействий государства и общества.

Таким образом появляются группы людей, которые «отсечены» от разнообразных технологий цифрового взаимодействия с институтами государственной власти и их представителями, что заставляет нас с определенным скепсисом оценивать конструктивный потенциал технологических трансформаций в сфере государственной политики в аспекте учета и реализации интересов подобных групп общества.

При этом отметим, что технологическая стратификация осуществляется не только представителями государственных институтов власти, но и представителями новых субъектов политики, претендующими на участие в распределении и реализации власти. В первую очередь речь идет о глобальных технологических компаниях, обладающих технологиями и цифровыми инфраструктурами, которые активно используются в процессах взаимодействий между государством и обществом.

Такие новые акторы политики обладают ресурсами влияния на массовое сознание, что ставит их в конкурентные отношения с традиционным государством, ранее обладавшим монополией над информационными ресурсами. Ведь тот, кто владеет рычагами коммуникации, по сути, способен принимать участие в борьбе за власть. Однако, данная конкуренция разворачивается на фоне близких по своей сути интересов государственных институтов и глобальных технологических компаний.

Если государство является легитимным, но не обладает необходимым технологическим потенциалом для осуществления информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание на новом технологическом уровне, то техногиганты, наоборот, стремятся легитимизировать свои цифровые технологии и инфраструктуры, претендуя при этом на участие в распределении и реализации власти.

При такой взаимодополняющей системе интересов обеих сторон мы можем наблюдать политико-технологическую гибридизацию и появление новых политико-технологических режимов, в которых и государства, и технологические гиганты играют свою роль, но, по сути, представляют из себя единую систему управления.

Государство получило необходимые технологии, технологические корпорации приобрели необходимую лояльность со стороны государства и легитимность своей деятельности по цифровому контролю над обществом. При этом происходит не только трансформация политики как вида профессиональной деятельности, но возникают и существенные изменения в политике как системе взаимодействий между властью и обществом.

В качестве наглядного примера мы можем привести события января 2021 года после выборов президента США, когда для ограничения влияния Д. Трампа ключевые глобальные цифровые площадки, принадлежащие технологическим гигантам, с ведома и по инициативе государства (а точнее, демократической части политической элиты США) осуществили деплатформинг Д. Трампа, заблокировав его аккаунты и отрезав его от своих многомиллионных аудиторий.

Могло ли бы раньше традиционное государство осуществить подобный деплатформинг, разрушая традиционные отношения между политиками и людьми? Очевидно, что блокировка ресурсов американского экс-президента стала возможной лишь в гибридной связке государства и технологических кампаний, которые сформировали новый тип политического режима, основанного на цифровом контроле и управлении сознанием граждан. Очевидно, что главным проигравшим в данной ситуации является общество, представители которого потеряли доступ к одному из политических лидеров США в цифровом пространстве, лишившись возможности информационно-коммуникационного взаимодействия с ним, несмотря на постулируемую в США свободу слова.

Нам представляется, что показанный нами пример – лишь надводная и далеко не самая большая часть айсберга, который мы можем назвать политико-технологическим режимом цифрового контроля, в рамках которого глобальная технологическая инфраструктура, принадлежащая крупным корпорациям, может быть оперативно встроена в систему цифрового государственно-политического управления нового типа вместе со всеми миллиардными аудиториями глобальных цифровых платформ, а имеющиеся массивы Big Data в сочетании с современными технологиями искусственного интеллекта и самообучаемыми нейросетевыми алгоритмами позволяют успешно сформировать не только национальные, но и наднациональные системы «умного» управления и контроля в общественно-политической сфере⁵⁸.

Появление нового типа политического режима констатируется не только нами, но и другими учеными. Так, одной из популярных на сегодняшний день концепций актуального цифрового технологического развития стала концепция Шощаннны Зубофф, которая определила новый формат развития государства как капитализм слежения или надзорный капитализм⁵⁹.

В своей работе Ш. Зубофф показывает, что глобальные технологические корпорации занимаются присвоением цифрового опыта населения, а также контролируют, какую общественно-политическую информацию, когда, где, в каком виде будут получать миллиарды людей в большинстве государств. В результате представления о социально-политической реальности, ценностях, смыслах, понятиях добра и зла выступают в такой системе цифрового контроля исключительно объектами управления при помощи цифровых технологий, которые по своей сути выступают в первую очередь инструментами слежения за человеком, а также анализа его активности для выявления неблагонадежных.

⁵⁸ Володенков С.В. Потенциал государственно-корпоративной гибридации в процессах трансформации традиционных политических режимов // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 19–28.

⁵⁹ Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Очевидно, что такой потенциал управления обществом не может существовать отдельно от властной сферы, и современные государства активно задействуют цифровые возможности для осуществления управления уже на новом уровне. Во многом данное положение дел уже было описано английским философом Иеремией Бентамом еще в конце XVIII века, когда он сформулировал концепт Паноптикума – тюрьмы, позволяющей единственному надзирателю наблюдать за всеми заключенными. Концепция паноптикума также была развита и в работе Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы»⁶⁰, в которой он показал, что Паноптикум формирует прозрачную социальную реальность, при том, что надзирающая за людьми власть становится невидимой, власть не карает, она контролирует, наблюдает, надзирает, но эти процессы являются для общества невидимыми.

Очевидно, что на современном уровне технологического развития мы вправе говорить о проблеме цифрового Паноптикума, в котором каждый гражданин становится своего рода заключенным, за которым власть надзирает при помощи цифровых инструментов, контролирует его реакции, выявляет в скрытом режиме неблагонадежных и опасных представителей общества, изучает реакции и программирует поведение необходимым для себя образом. В таком случае в системе взаимодействий «государство – общество» государство становится невидимым диктатором-тюремщиком, а общество – подчиненным объектом слежения и контроля, заключенным в невидимые рамки дозволенного.

При этом следует отметить, что такого рода надзор и контроль могут осуществляться не просто в скрытом, но в автоматическом режиме при помощи современных «умных» алгоритмов слежения, базирующихся на технологиях искусственного интеллекта⁶¹. Применение автоматизированных алгоритмов в государственной политике представляет из себя серьезную линию напряжения

⁶⁰ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2022.

⁶¹ Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 2.

сразу по нескольким причинам. В первую очередь, алгоритмы представляются большинству людей как нейтральные и объективные инструменты, призванные повысить эффективность управленческих процессов, увеличить скорость принятия решений, сделать эти решения непредвзятыми, некоррупционными.

Однако, как показывает анализ актуальной практики, алгоритмы создаются и используются исключительно в чьих-то интересах. И даже перспективный по возможностям своего применения в интересах общества алгоритм может быть использован (впрочем, как и любой другой инструмент) не в декларируемых интересах общества, а сугубо в интересах применяющего данный алгоритм политического субъекта, включая государство. С учетом того, что механизмы работы алгоритмов в большинстве случаев являются непрозрачными, функционируя в режиме «черного ящика», и не проходят в подавляющем числе случаев какой-либо общественной экспертизы, обыватель не в состоянии понять, как и в чьих интересах работает тот или иной алгоритм. По сути, речь идет о *латентной алгоритмизации процессов управления и манипулирования обществом* под благовидным предлогом «повышения эффективности управления», а также исключения предвзятости и коррупционности принимающих решения чиновников.

Однако уже в сам алгоритм скрытым образом может быть заложен функционал, включающий и предвзятости, и учет интересов владельца алгоритма или же контролирующего его субъекта властных отношений (например, все без исключения большие нейросети, активно распространяющиеся сегодня по всему миру, имеют явно выраженные предвзятости и предубеждения, не позволяющие им генерировать, например, объективные тексты общественно-политического характера. Данные нейросети обучены на большим массивам данных, которые ценностно окрашены, а также учитывают интересы и убеждения своих разработчиков).

Тем не менее, для большинства людей алгоритмы по-прежнему выступают в качестве беспристрастных инструментов повышения

эффективности управления, что формирует значительный уровень доверия к ним (не будем упускать из вида и сценарии применения «умных» алгоритмов вообще без ведома объекта управления).

Неслучайно в своей работе американо-индийский социолог А. Аниш вводит в научный оборот концепт алгократии – формы правления и принятия решений, основанной на использовании алгоритмов. Термин происходит от сочетания слов "алгоритм" и "кратия" (власть). Алгократия предполагает использование алгоритмических процессов для принятия решений в сфере государственного управления⁶². Однако, очевидным является тот факт, что в рамках режима алгократии власть принадлежит не алгоритму, а тому, кто его контролирует и использует в своих интересах. При этом характер применения алгоритмов для осуществления управленческого воздействия может быть экстерриториальным, не имеющим национальных границ и юрисдикций (например, в рамках трансграничных глобальных социальных сетей). Иными словами, алгоритмы могут выступать в качестве инструмента глобального управления.

Данное обстоятельство является серьезным вызовом для традиционных государств, которые неизбежным образом будут вынуждены для сохранения собственного суверенитета и национальных систем государственного управления предотвращать деятельность трансграничных алгоритмов на собственной территории.

Однако здесь нам важно подчеркнуть, что цифровизация не является базовой причиной подобных изменений. Наоборот, мы считаем, что технологические следствия лишь выдаются за причину. Алгоритмы являются лишь инструментом, который обладает как конструктивным, так и деструктивным потенциалом в зависимости от целей своего использования, а властвующий политический класс, который приватизировал государство через государство-институт и право, способен обеспечить себе *владение алгоритмами*

⁶² Aneesh A. Virtual migration: the programming of globalization. Durham, NC: Duke University Press Books, 2006.

цифровой политики через их присвоение и модификацию этих современных инструментов цифровизации и виртуализации политической, экономической и социальной жизни, что дает ему практически неограниченные возможности влияния на общественное сознание, добиваясь в конечном итоге легитимизации своих собственных целей со стороны общества в целом, по крайней мере на определенный период времени.

В связи с этим вполне объяснимыми являются попытки технологически развитых государств (а, по сути, национальных властвующих политических классов) не просто осуществлять контроль над цифровыми инструментами, но и обеспечивать свое исключительное монопольное доминирование в цифровом пространстве, в том числе за счет блокирования и запрета деятельности неконтролируемых цифровых инфраструктур (как собственных внутренних, так и внешних).

Так, например, Палата представителей США весной 2024 года одобрила законопроект о блокировке TikTok, если у него не сменится владелец -китайская компания ByteDance. Незадолго до этого два члена палаты представителей США, республиканец Майк Галлахер и демократ Раджа Кришнамурти, представили подготовленный ими совместно с другими членами конгресса проект закона о защите американцев от приложений, контролируемых иностранными структурами (т.е. чужеродными властвующими политическими классами)⁶³.

Таким образом, цифровые технологические трансформации порождают ряд вызовов, угроз и рисков в сфере политики сразу в двух ее измерениях – как вида деятельности и как системы взаимодействий между государством и обществом», а наивные представления о благой роли цифровых технологий в процессах демократизации и формирования прозрачной и ответственной власти требуют своего кардинального пересмотра.

С одной стороны, возникают риски и тенденции формирования технологической стратификации общества нового типа, в рамках которой

⁶³ <https://selectcommitteeontheccp.house.gov/media/press-releases/gallagher-bipartisan-coalition-introduce-legislation-protect-americans-0>

властвующий политический класс монопольно присваивает себе новейшие цифровые технологии реализации политики. С другой стороны, развитие цифровых технологий привело к формированию новых субъектов политики, претендующих на реализацию своих интересов на властном уровне и активно включающихся в систему взаимодействий «государство-общество»⁶⁴. К их числу мы в первую очередь относим глобальные технологические компании.

Немаловажным вызовом выступает формирование гибридных политико-технологических режимов, в которых властвующий политический класс представляет из себя совокупность не только представителей институтов власти, но и владельцев и бенефициаров техногигантов. В рамках подобных режимов государства получают необходимый для осуществления цифрового управления комплекс технологий и соответствующую цифровую инфраструктуру, принадлежащую технологическим компаниям, а последние, в свою очередь, приобретают возможность реализовывать свои интересы на государственном уровне в тесной связке с представителями традиционных государственных элит.

При этом, как демонстрирует актуальная практика, такого рода гибридные режимы в значительной степени формируют цифровые Паноптикумы – цифровые пространства надзора и контроля над обществом в невидимом режиме. Подобная надзорная, следящая, контролирующая деятельность основывается на применении современных цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, что привело к появлению нового вызова – формированию потенциала создания алгократического режима правления, основанного на применении «беспристрастных» и «объективных» алгоритмов, которые на самом деле являются лишь инструментом достижения целей властвующего политического класса, неявным для общества образом присвоившего либо модифицировавшего «умные» алгоритмы.

⁶⁴ Корнев А.В. Власть: эволюция господства от архаичных до технологических форм // История государства и права. 2021. № 6. С. 10–17.

Очевидно, что в данных обстоятельствах государство утрачивает свою первоначальную функцию, т.к. общественный интерес становится продуктом цифрового автоматизированного управления информационно-коммуникационными потоками, а каждый представитель общества выступает лишь объектом невидимого контроля, слежения и надзора в новой социотехнической реальности, а также объектом информационно-коммуникационного воздействия, которое нацелено на формирование необходимых представлений о социально-политической реальности, а также на «программирование» и легитимизацию ценностно-смысловых и поведенческих установок в интересах управляющей стороны, что в условиях контроля над средствами и каналами коммуникации, а также над самой информацией является вполне решаемой задачей. Ведь как писал еще четверть века назад Бенджамин Барбер, «если мы измеряем власть потенциалом монополий и контролем над информацией и коммуникациями, очевидно, что новые технологии могут стать опасным катализатором для тирании»⁶⁵, в которой общественный интерес и общественное благо уступают место интересам властвующего политического класса, осуществившим технологическое присвоение власти⁶⁶.

Если же мы и можем предположить проявление недовольства со стороны общества такого рода режимами нового типа, то, по нашему мнению, наиболее вероятной реакцией государства станут обвинения алгоритмов или же их разработчиков в их несовершенстве, а также заявления о необходимости доработки и совершенствования алгоритмов для более «качественной» и «эффективной» работы в дальнейшем. При этом непосредственно истинные владельцы алгоритмов, осуществляющие власть в своих интересах, а также обстоятельства технологического порабощения общества на данный момент остаются в тени. Ведь, в соответствии с заданными властвующим классом в

⁶⁵ Barber B.R. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. Political Science Quarterly. 1998-1999. Vol. 113. No. 4. P. 573–589.

⁶⁶ Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии "комфортной" тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1(41). С. 72–85.

информационном пространстве рамками, технологический прогресс – это «неизбежность», которая на самом деле представляет из себя лишь “мантру, к которой нас приучили, это экзистенциальный наркотик, прописанный, чтобы мы опустили руки”⁶⁷.

Заключение

Очевидно, что предлагаемая нами модель, равно как и любая иная модель, является определенным упрощением объясняемых ею процессов, и мы не претендуем на полное описание и объяснение современных процессов функционирования государства и общества, а также их взаимодействий друг с другом. Тем не менее, по итогам настоящей работы мы можем сделать ряд важных выводов, опираясь на сформированный на кафедре государственной политики концептуальный подход к пониманию содержательных и функциональных характеристик феноменов современного государства и политики.

В первую очередь мы можем констатировать утрату современным государством своей изначальной природы. И на современном этапе развития государства его изначальная ориентация на общественное благо и удовлетворение общественных интересов в качестве надстройки общества, породившего его, подменяется не просто дистанцированием государства (а точнее – правящего политического класса, подменяющего государство как институт в процессах выработки и реализации государственной политики) от общества, но присвоением власти, зачастую являющимся невидимым и легитимизированным. Государственные институты и их деятельность при этом характеризуются самодостаточностью по отношению к первоначальной задаче служения обществу.

Государственная политика в нашем представлении является *специфической средой взаимоотношений и взаимодействий в системе*

⁶⁷ *Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

«государство-общество», в которой вырабатываются цели, задачи, привлекаются необходимые ресурсы для их достижения под лозунгом обеспечения общественного блага, что не всегда является таковым. На самом деле властвующий политический класс представляет из себя особую группу, основным источником целеполагания которой становятся интересы не общества, но интересы собственные, в результате чего государственные органы начинают реализовывать задачи, поставленные этой группой или классом. По итогам такого присвоения власти и подмены общественных интересов собственными неизбежным образом могут возникать кризисы и напряжения в системе отношений и взаимодействий «государство-общество», т.к. всегда существуют и будут существовать подобные властвующие группы, стремящиеся к достижению и сохранению власти.

Кроме того, мы подробно показали в данной работе, что государственная политика выступает в качестве легально и легитимно реализуемого соответствующими институтами государственной власти политического курса, задающего не только целевые, но также *цивилизационные и ценностные основания* государственного управления и/или регулирования в конкретной сфере деятельности, т.к. *характерные черты функционирования конкретного государства и общества, а также содержание реализуемой политики определяются в первую очередь их цивилизационными основаниями.* И если о подмене целей мы уже упомянули, что ценности также становятся предметом подмены – правящий политический класс активно осуществляет легитимацию своих ценностных установок, переводя традиционные общественные ценности в разряд неактуальных (как внутри собственных стран, так и вовне, предпринимая попытки ценностной агрессии в отношении других стран)⁶⁸. В результате деятельность современных государств в подавляющем числе случаев базируется на ценностях и установках властвующего политического

⁶⁸ При этом если правящий политический класс отклоняется от фундаментальных цивилизационных и ценностных оснований своего существования, то, как неоднократно демонстрировала история, государство оказывается в глубоком системном кризисе и разрушается.

класса, а стремление к достижению общественного блага становится лишь декларацией, необходимой для легитимизации и интеграции в общественное сознание выгодной представителям данного класса ценностной системы, являющейся по своей сути асоциальной и антигуманистической⁶⁹.

При этом, чтобы снизить напряжение внутри системы отношений и взаимодействий «государство-общество» и создать видимость реализации общественных интересов на основе мнения большинства, политическим властвующим классом активно используются современные информационно-коммуникационные технологии, направленные на манипуляцию общественным сознанием и конструирование выгодной социально-политической реальности.

Если рассматривать современные цифровые технологические трансформации в политическом измерении, то созданные цифровые технологии, инфраструктуры, алгоритмы и данные были присвоены государством в лице правящего политического класса для реализации собственных интересов уже на технологически новом уровне информационно-коммуникационного воздействия на общественное сознание и надзорной деятельности в отношении граждан. Оптимистичные прогнозы относительно свободного, открытого и плюралистичного Интернета, а также ожидания благого использования современных цифровых технологий в интересах общества опровергаются на сегодняшний день актуальной практикой присвоения цифровых технологий, на основе которых все в большей мере выстраиваются новые технологические режимы цифрового надзора и контроля, цифровой манипуляции и пропаганды, цифрового Паноптикума.

Таким образом, цифровые технологические трансформации лишь усилили кризис внутри системы отношений и взаимодействий «государство-общество»,

⁶⁹ Легитимный политический курс всегда предполагает необходимый уровень общественного одобрения и участия, что достигается на сегодняшний день преимущественно посредством инструментов информационно-коммуникационного воздействия на массовое сознание, в результате которого у общества формируются необходимые ценностные основания и представления о социально-политической реальности.

однако при этом сделали процессы присвоения власти со стороны правящего политического класса невидимыми, «прозрачными», нерелексируемыми.

Одновременно с этим мы глубоко убеждены, что политическая наука призвана служить интересам общества и достижению общественного блага, а предметом политической науки должна выступать *система взаимодействий государства (власти) и общества (его организаций, институтов и индивидуумов), которую необходимо рассматривать в контексте исторически сложившихся цивилизационных оснований их взаимодействия по поводу легитимизации целей и ценностей развития, достижения общественных интересов и сохранения суверенитета во взаимодействиях с другими государствами*. Именно политическая наука должна изучать цивилизационные основания и ценностные принципы, выступающие фундаментальным фактором формирования характера, содержания и законов функционирования конкретных государств и обществ, а также характера взаимоотношений между последними.

Помимо этого, научные исследования в области политики безусловно должны быть направлены на совершенствование взаимодействий общества и государства, на эффективное и научно обоснованное, выверенное разрешение кризисов в системе отношений и взаимодействий «государство-общество» с учетом цивилизационных особенностей, устремлений и динамики развития обществ в разных частях мира, на устранение антагонистических противоречий внутри обозначенной системы без применения революционных методов, чреватых серьезными негативными последствиями как для самого общества, так и для государства, а также на устранение необоснованной гегемонии одних государств над другими.

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. Сочинения в 4 томах. М.: 1984. Т. 4. С. 378.

Асафов А.Н. «Культура отмены» как механизм политического давления неокOLONиализма для поддержания однополярного мироустройства. М.: Медиагород, 2024.

Багдасарян В.Э. Василик В.В., Иерусалимский Ю.Ю., Лантратова Я.В., Мякишев А.П., Хазанов А.М., Якунин В.И. «Культура отмены»: феномен цивилизационного остракизма. Материалы экспертного круглого стола // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2023. № 4. С. 6–25.

Багдасарян В.Э. Ценностные основания государственной политики: учебник. М.: ИНФРА-М, 2018.

Безбородов Ю.С., Халафян Р.М. Международное право и мировой правопорядок: девальвация или трансформация? // Закон. 2022. № 8. С. 13–29.

Дуткевич П. Грандиозный раскол // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 6(118). С. 22–34.

Бовдунов А.Л. Вызов «деколонизации» и необходимость комплексного переопределения неокOLONиализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 4. С. 645–658.

Бредихин А.Л., Фомичев С.М. Интересы личности, общества и государства в процессе трансформации форм государства // Теория государства и права. 2023. № 2(31). С. 12–19.

Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997.

Володенков С.В. Цифровые актанты и вычислительная пропаганда как инструменты воздействия на массовое сознание в условиях глобальных технологических трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2024. № 2.

Володенков С.В. Потенциал государственно-корпоративной гибридизации в процессах трансформации традиционных политических режимов // Журнал политических исследований. 2021. Т. 5. № 2. С. 19–28.

Гаврилюк Р.В., Носаненко Г.Ю., Арсланов Р.Э. Теории происхождения государства: общая характеристика. // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2021. № 2(31). С. 10–13.

Гельман В.Я. Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // Мир России. 2017. Т. 26. № 2. С. 38–61.

Головач А.А. "Расчеловечивание человека" - ключевая проблема современной эпохи // Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69. № 1. С. 18–24. =

Горбачев М.В. Цивилизационная идентификация политических проектов и проектирования в политике: диссертация ... доктора политических наук. Саратов: 2018.

Государственная политика в контексте глобальных вызовов современности. М.: Издательство Московского университета, 2021.

Грибанова В.В., Хозолькова Н.Е. Актуальные проблемы исследования колониализма, неокOLONиализма и деколонизации // Азия и Африка сегодня. 2024. № 2. С. 64–67.

Ефременко Д.В., Мелешкина Е.Ю. Теория модернизации о путях социально-экономического развития. // Социологические исследования. 2014. № 6. С. 3–12.

Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Симачкова Н.Н., Ручкина А.В., Чупина И.П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–89.

Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022.

Изместьев С.В. Присвоение государства и глобальная революция // Теория и практика общественного развития. 2022. № 7(173). С. 117–133.

Карачева Т.И. Технотронная цивилизация: Сдвиг от проблем экологии к виртуальной реальности. М.: 1999.

Карев Д.А. К вопросу о сохранении суверенитета в эпоху цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2023. № 1(217). С. 32–34.

Коктыш К.Е., Сергеев В.М. Рождение глубинного государства // Полис. Политические исследования. 2024. № 1. С. 134–148.

Комаров А.Г. Проблема конституирования человека в цифровом мире // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2024. № 1. С. 77–80.

Корнев А.В. Власть: эволюция господства от архаичных до технологических форм // История государства и права. 2021. № 6. С. 10–17.

Косолапов Н.А. Государство как корпорация и корпорация как государство: продукт глобализации или новая феноменология? // Сравнительная политика. 2011. № 2. С. 19–37.

Кот Я.И. Социально - философский анализ трансформации феномена свободы в условиях техногенной цивилизации: диссертация ... кандидата философских наук. М.: 2020.

Кочетков А.П., Мамычев А.Ю. Цифровая элита: тенденции формирования и развития // Полис. Политические исследования. 2024. № 4. С. 135–145.

Крючкова С.Е., Храпов С.А., Крючкова Е.В. Цифровые технологии как средство социальной инженерии // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 4. С. 42–54.

Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. № 1. С. 92–105.

Курочкин А.В., Морозова С.С. Цифровая колонизация как угроза национальной безопасности // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2024. Т. 20. № 1. С. 64–72.

Малько А.В., Панченко В.Ю. Содержание государства: дискуссионные вопросы // Юридическая наука. 2024. № 1. С. 42–46.

Марасанова В.М., Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Титова Л.Г., Кудрина С.А. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Мартышин О.В. К истории формирования понятия "государство" // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2018. № 4 (44). С. 37–48.

Марченя П.П., Разин С.Ю. «Смутоведение» как «гордиев узел» русификации: от империи к смуте, от смуты к...? // Россия и современный мир. 2010. № 4 (69). С. 48–65.

Мигунова Т.Л., Романовская Л.Р. «Симфония властей» как принцип взаимоотношений между церковью и государством // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. № 3 (2). С. 147–150.

Пирогов Г.Г. Глобализация и цивилизационное многообразие мира (Политологический анализ): диссертация. ... доктора политических наук. М.: 2003.

Поломоинов А.Ф., Рыковская Л.А. Гендерный кризис в современном обществе // Общество: философия, история, культура. 2023. № 12(116). С. 63–68

Андреева В.А. Постгендерная антропология как политический инструмент тоталитарной демократии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2023. № 3(49). С. 74–77.

Попова О.В. Технологическая колонизация интимности: от любви к технологиям - к биомедицинским технологиям против любви // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 4. С. 145–159.

Торкунов А.В., Дегоев В.В. Русская история: Государство. Цивилизация. Внешний мир. М.: Аспект Пресс, 2024.

Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права. М.: Юрайт, 2023.

Соколов А.В. Осмысление трансформации государства в условиях противоречий начала XXI века // Политическая наука. 2022. № 3. С. 317–324.

Союзбек Кызы Г. Цифровые неравенства как социокультурная проблема современного общества // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. 2023. № S5. С. 111–117.

Стрекалов И.Н. Народная тайна русской революции. Советы. 1905—1917 гг. М.: Родина, 2020.

Тихомиров Л.А. Руководящие идеи русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2008.

Труфанова Е.О. Человек в плену цифрового коккона: социокультурная идентичность в эпоху цифровизации // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2022. № 2(22). С. 69–78.

Фатенков А.Н. Цифровое общество: цивилизация на стадии "комфортной" тоталитарности // Век глобализации. 2022. № 1(41). С. 72–85.

Федотова Н.Н. Пользователи информационно-коммуникационных технологий в контексте цифровых неравенств и разрывов // Коммуникология. 2024. Т. 12. № 1. С. 38–45.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем, 2022.

Чирков А.А. Теория модернизации в российской исторической науке // Философия и культура. 2018. № 3. С. 17–33.

Шакирова Е.С. Антиценности современного российского общества // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2022. № 4(36). С. 165–170.

Шаповалов Ю.В. Специфика техногенной цивилизации в условиях глобализации: диссертация ... кандидата философских наук. Армавир: 2010.

Шестак В.А., Сливинская Н.Ю. Проблема цифрового неравенства: подходы исследования // Информационное право. 2023. № 2(76). С. 18–22.

Якунин В.И. Аксиологический подход в теории экономического развития // Этап: Экономическая теория, анализ, практика. 2018. № 2. С. 7–17.

Якунин В.И. Цивилизационные основания современного мирового политического кризиса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 3. С. 7–20.

Якунин В.И., Володенков С.В., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В. Политические трансформации в условиях глобальной нестабильности и неопределенности будущего (по материалам международного экспертного исследования) // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2021. № 6. С. 7–33.

Якунин В.И., Сулакишин С.С., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. М.: Научный эксперт, 2012.

Aneesh A. Virtual migration: the programming of globalization. Durham, NC: Duke University Press Books, 2006.

Barber B.R. Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy. Political Science Quarterly. 1998-1999. Vol. 113. No. 4. P. 573–589.

Keynes J.M. Economic Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. N.Y.: W. W. Norton & Co, 1963. P. 358–373.

The Crisis of Democracy. A Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. N.Y.: University Press, 1975.

Whalen B.E. The Two Powers: The Papacy, the Empire, and the Struggle for Sovereignty in the Thirteenth Century. University of Pennsylvania Press, 2019.

REFERENCES

Aristotel. *Sochineniya v 4 tomah*. Moscow: 1984. Vol. 4. P. 378.

Asafov, A. N. «Kul'tura otmeny» kak mekhanizm politicheskogo davleniya neokolonializma dlya podderzhaniya odnopolyarnogo miroustrojstva. Moscow: Mediagorod, 2024.

Bagdasaryan, V. E. Vasilik, V. V., Ierusalimskij, Yu.Yu., Lantratova, Ya. V., Myakshev, A. P., Hazanov, A. M., Yakunin, V. I. “«Kul'tura otmeny»: fenomen civilizatsionnogo ostrakizma. Materialy ekspertnogo kruglogo stola,” *Vestnik Gosudarstvennogo universiteta prosveshcheniya. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, No. 4, 2024. pp. 6–25.

Bagdasaryan, V. E. *Cennostnye osnovaniya gosudarstvennoj politiki: uchebnik*. Moscow: INFRA-M, 2018.

Bezborodov, Yu. S., Halafyan, R. M. “Mezhdunarodnoe pravo i mirovoj pravoporyadok: deval'vaciya ili transformaciya?,” *Zakon*, No. 8, 2022, pp. 13–29.

Dutkevich, P. “Grandioznyj raskol,” *Rossiya v global'noj politike*, Vol. 20, No. 6(118), 2022, pp. 22–34.

Bovdunov, A. L. “Vyzov «dekolonizacii» i neobhodimost' kompleksnogo pereopredeleniya neokolonializma,” *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, Vol. 22, No. 4, 2022, pp. 645–658.

Bredihin, A. L., Fomichev, S. M. "Interesy lichnosti, obshchestva i gosudarstva v processe transformacii form gosudarstva," *Teoriya gosudarstva i prava*, No. 2(31), 2023, pp. 12–19.

Buldakov, V. P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya*. Moscow: ROSSPEN, 1997.

Volodenkov, S. V. "Cifrovye aktanty i vychislitel'naya propaganda kak instrumenty vozdeystviya na massovoe soznanie v usloviyah global'nyh tekhnologicheskikh transformacij," *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, No. 2, 2024.

Volodenkov, S. V. "Potencial gosudarstvenno-korporativnoj gibridizacii v processah transformacii tradicionnykh politicheskikh rezhimov," *Zhurnal politicheskikh issledovanij*, Vol. 5, No. 2, 2021, pp. 19–28.

Gavrilyuk, R. V., Nosanenko, G. Yu., Arslanov, R. E. "Teorii proiskhozhdeniya gosudarstva: obshchaya harakteristika," *Aktual'nye problemy sovremennosti: nauka i obshchestvo*, No. 2(31), 2021, pp. 10–13.

Gel'man, V. Ya. "Avtoritarnaya modernizaciya v Rossii – missiya nevypolnima?," *Mir Rossii*, Vol. 26, No. 2, 2017, pp. 38–61.

Golovach, A. A. "'Raschelovechivanie cheloveka" - klyuchevaya problema sovremennoj epohi," *Izvestiya Nacional'noj akademii nauk Belarusi. Seriya gumanitarnykh nauk*, Vol. 69, No. 1, 2024, pp. 18–24.

Gorbachev, M. V. *Civilizacionnaya identifikaciya politicheskikh proektov i proektirovaniya v politike: dissertaciya ... doktora politicheskikh nauk*. Saratov: 2018.

Gosudarstvennaya politika v kontekste global'nyh vyzovov sovremennosti. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2021.

Gribanova, V. V., Hozol'kova, N. E. "Aktual'nye problemy issledovaniya kolonializma, neokolonializma i dekolonizacii," *Aziya i Afrika segodnya*, No. 2, 2024, pp. 64–67.

Efremenko, D. V., Meleshkina, E. Yu. "Teoriya modernizacii o putyakh social'no-ekonomicheskogo razvitiya," *Sociologicheskie issledovaniya*, No. 6, 2014, pp. 3–12.

ZHuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Simachkova, N. N., Ruchkina, A. V., Chupina, I. P. "Gosudarstvo-civilizaciya: ponyatie, sushchnost', struktura," *Obrazovanie i parvo*, No. 9, 2023, pp. 80–89.

Zuboff, Sh. *Epoha nadzornogo kapitalizma: bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhah vlasti*. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara, 2022.

Izmest'ev, S. V. "Prisvoenie gosudarstva i global'naya revolyuciya," *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, No. 7(173), 2022, pp. 117–133.

Karacheva, T. I. *Tekhnotronnaya civilizaciya: Sdvig ot problem ekologii k virtual'noj real'nosti*. Moscow: 1999.

Karev, D. A. "K voprosu o sohranении suvereniteta v epohu cifrovizacii," *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, No. 1(217), 2023, pp. 32–34.

Koktysh, K. E., Sergeev, V. M. "Rozhdenie glubinnogo gosudarstva," *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No. 1, 2024, pp. 134–148.

Komarov, A. G. "Problema konstituirovaniya cheloveka v cifrovom mire," *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, No. 1, 2024, pp. 77–80.

Kornev, A. V. "Vlast': evolyuciya gospodstva ot arhaichnyh do tekhnologicheskikh form," *Istoriya gosudarstva i prava*, No. 6, 2021, pp. 10–17.

Kosolapov, N. A. "Gosudarstvo kak korporaciya i korporaciya kak gosudarstvo: produkt globalizacii ili novaya fenomenologiya?," *Sravnitel'naya politika*, No. 2, 2011, pp. 19–37.

Kot, Ys. I. *Social'no - filosofskij analiz transformacii fenomena svobody v usloviyah tekhnogennoj civilizacii: dissertaciya ... kandidata filosofskih nauk*. Moscow: 2020.

Kochetkov, A. P., Mamychhev, A. Yu. "Cifrovaya elita: tendencii formirovaniya i razvitiya," *Polis. Politicheskie issledovaniya*, No. 4, 2024, pp. 135–145.

Kryuchkova, S. E., Hrapov, S. A., Kryuchkova, E. V. "Cifrovyte tekhnologii kak sredstvo social'noj inzhenerii," *Logos et Praxis*, Vol. 22, No. 4, 2023, pp. 42–54.

Kulakova, T. A., Volkova, A. V. "Cifrovoj suverenitet i politiko-administrativnye rezhimy," *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya*, Vol. 39, No. 1, 2023, pp. 92–105.

Kurochkin, A. V., Morozova, S. S. "Cifrovaya kolonializaciya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti," *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, Vol 20, No. 1, 2024, pp. 64–72.

Mal'ko, A. V., Panchenko, V. Yu. "Soderzhanie gosudarstva: diskussionnye voprosy," *Yuridicheskaya nauka*, No. 1, 2024, pp. 42–46.

Marasanova, V. M., Bagdasaryan, V. E., Ierusalimskij, Yu. Yu., Titova, L. G., Kudrina, S. A. *Osnovy rossijskoj gosudarstvennosti: uchebno-metodicheskij kompleks po discipline dlya obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovaniya*. Moscow: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2023.

Martyshin, O. V. "K istorii formirovaniya ponyatiya "gosudarstvo"," *Vestnik Universiteta im. O.E. Kutafina*, No. 4(44), 2018, pp. 37–48.

Marchenya, P. P., Razin, S. Yu. "«Smutovedenie» kak «gordiev uzal» rossievedeniya: ot imperii k smute, ot smuty k..?," *Rossiya i sovremennyy mir*, No. 4(69), 2010, pp. 48–65.

Migunova, T. L., Romanovskaya, L. R. "«Simfoniya vlastej» kak princip vzaimootnoshenij mezhdru cerkov'yu i gosudarstvom," *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, No. 3(2), 2013, pp. 147–150.

Pirogov, G. G. *Globalizaciya i civilizacionnoe mnogoobrazie mira (Politologicheskij analiz): dissertaciya. ... doktora politicheskikh nauk*. Moscow: 2003.

Polomoshnov, A. F., Rykovskova, L. A. "Gendernyj krizis v sovremennom obshchestve," *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, No. 12(116), 2023, pp. 63–68

Andreeva, V. A. "Postgendernaya antropologiya kak politicheskij instrument totalitarnoj demokratii," *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya*, No. 3(49), 2023, pp. 74–77.

Popova, O. V. "Tekhnologicheskaya kolonizaciya intimnosti: ot lyubvi k tekhnologiyam - k biomedicinskim tekhnologiyam protiv lyubvi," *Znanie. Ponimanie. Umenie*, No. 3, 2022, pp. 145–159.

Torkunov, A. V., Degoev, V. V. *Russkaya istoriya: Gosudarstvo. Civilizaciya. Vneshnij mir*. Moscow: Aspekt Press, 2024.

Russo, Zh. *Ob obshchestvennom dogovore ili principy politicheskogo prava*. Moscow: Yurajt, 2023.

Sokolov, A. V. "Osmyslenie transformacii gosudarstva v usloviyah protivorechij nachala XXI veka," *Politicheskaya nauka*, No. 3, 2022, pp. 317–324.

Soyuzbek Kyzy, G. "Cifrovye neravenstva kak sociokul'turnaya problema sovremennogo obshchestva," *Izvestiya Nacional'noj Akademii nauk Kyrgyzskoj Respubliki*, No. S5, 2023, pp. 111–117.

Strekalov, I. N. *Narodnaya tajna russkoj revolyucii. Sovety. 1905—1917 gg*. Moscow: Rodina, 2020.

Tihomirov, L. A. *Rukovodyashchie idei russkoj zhizni*. Moscow: Institut russkoj civilizacii, 2008.

Trufanova, E. O. "Chelovek v plenu cifrovogo kokona: sociokul'turnaya identichnost' v epohu cifrovizacii," *Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva*, No. 2(22), 2022, pp. 69–78.

Fatenkov, A. N. "Cifrovoe obshchestvo: civilizaciya na stadii "komfortnoj" totalitarnosti," *Vek globalizacii*, No. 1(41), 2022, pp. 72–85.

Fedotova, N. N. "Pol'zovateli informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v kontekste cifrovyyh neravenstv i razryvov," *Kommunikologiya*, Vol. 12, No. 1, 2024, pp. 38–45.

Fuko, M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my*. Moscow: Ad Marginem, 2022.

Chirkov, A. A. "Teoriya modernizacii v rossijskoj istoricheskoy nauke," *Filosofiya i kul'tura*, No. 3, 2018, pp. 17–33.

Shakirova, E. S. "Anticennosti sovremennogo rossijskogo obshchestva," *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*, No. 4(36), 2022, pp. 165–170.

Shapovalov, Yu. V. *Specifika tekhnogennoj civilizacii v usloviyah globalizacii: dissertaciya ... kandidata filosofskih nauk*. Armavir: 2010.

Shestak, V. A., Slivinskaya, N. Yu. "Problema cifrovogo neravenstva: podhody issledovaniya," *Informacionnoe parvo*, No. 2(76), 2023, pp. 18–22.

Yakunin, V. I. "Aksiologicheskij podhod v teorii ekonomicheskogo razvitiya," *Etap: Ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika*, No. 2, 2018, pp. 7–17.

Yakunin, V. I. "Civilizacionnye osnovaniya sovremennogo mirovogo politicheskogo krizisa," *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, Vol. 3, 2022, pp. 7–20.

Yakunin, V. I., Volodenkov, S. V., Bagdasaryan, V. E., Vilisov, M. V. "Politicheskie transformacii v usloviyah global'noj nestabil'nosti i neopredelennosti budushchego (po materialam mezhdunarodnogo ekspertnogo issledovaniya)," *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*, No. 6, 2021, pp. 7–33.

Yakunin, V. I., Sulakshin, S. S., Orlov, I. B., Stroganova, S. M. *Kachestvo i uspehnost' gosudarstvennyh politik i upravleniya*. Moscow: Nauchnyj ekspert, 2012.

Aneesh, A. *Virtual migration: the programming of globalization*. Durham: Duke University Press Books, 2006.

Barber, B. R. “Three Scenarios for the Future of Technology and Strong Democracy,” *Political Science Quarterly*, Vol. 113, No. 4. 1998-1999, pp. 573–589.

Keynes, J. M. “Economic Possibilities for our Grandchildren,” *Essays in Persuasion*. New York: 1963, pp. 358–373.

The Crisis of Democracy. A Report on the Governability of Democracies to the Trilateral Commission. New York: University Press, 1975.

Whalen, B. E. *The Two Powers: The Papacy, the Empire, and the Struggle for Sovereignty in the Thirteenth Century*. University of Pennsylvania Press, 2019.